

Александр Мирлюкин

Когда Осёл летал
= выше, чем Тегас =

—
Театральные были
и
небылицы

Александр Мирлюнди

**Когда Осёл летал выше,
чем Пегас. Театральные
были и небылицы**

«Издательские решения»

Мирлюнди А.

Когда Осёл летал выше, чем Пегас. Театральные были и небылицы
/ А. Мирлюнди — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962007-1

Герои этой книги — обладатели, наверное, одной из самых, что называется, «видимых» профессий. Но речь пойдёт не о так называемых «медийных» представителях данной профессии, не о тех, кого все знают. Здесь речь пойдёт о малоизвестных и неизвестных артистах, не менее талантливых, но сосредоточенных по большей степени в стенах своего «родного дома» — в стенах театра... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-962007-1

© Мирлюнди А.
© Издательские решения

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
РУБИН	8
ЛЮБВЕОБИЛЬНЫЙ	10
ПЕРВЫЙ АРТИСТ ЭПОХИ	13
НОГИ АРТИСТА ДЫМОВА	15
РЕДЧАЙШИЙ ТАЛАНТ	16
НЕПРОСТАЯ ФАМИЛИЯ	17
АКТРИСА ЛАРИСА	18
КАК МЫ ПЕРВЫЙ РАЗ В ЖИЗНИ ИГРАЛИ ШЕКСПИРА	19
ГРОБ, КОТОРЫЙ ДОЛГО СТРАДАЛ, НО В ИТОГЕ ОБРЁЛ СЧАСТЬЕ	24
МОСКОВСКИЙ ПЛОХОЙ ТЕАТР	25
ПЕРВАЯ ЧИТКА	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Когда Осёл летал выше, чем Пегас Театральные были и небылицы

Александр Мирлюнди

© Александр Мирлюнди, 2019

ISBN 978-5-4496-2007-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСТУПЛЕНИЕ

Не могу сказать, что обладаю яркой фантазией, поэтому для сравнения приведу банальный пример с айсбергом. Всем известно, что вершина айсберга, та, что подлежит лицезрению и созерцанию, составляет только 1/10 самого айсберга. Остальные 9/10 находятся под водой. Не сказать, что их невозможно разглядеть. Можно, если нырнуть водолазом, или опуститься на батискафе. Но простому невооруженному глазу подводная часть почти недоступна. То же самое можно сказать и о нашей планете. О каких-то странах пишут много и с удовольствием, о других помалкивают. О том, что происходит в далекой тайге, или на северной части Гренландии, почти ничего. Или о профессиях, где есть свои яркие представители, и параллельно с ними существующие скромные трудяги. Там не видно не то что 9/10, а сравнительно больше. Допустим, из знаменитых шахтеров мои познания ограничиваются исключительно Стахановым. Из знаменитых электриков и водопроводчиков я не знаю никого. Но, уверен, они существуют.

Но герои этой книги обладатели, наверно, одной из самых, что называется, «видимых» профессий. В том смысле, что они всегда на виду. Мы их каждый день видим в сериалах, в фильмах, в ток-шоу. Мы их любим и лелеем. Или, наоборот, не любим и называем комедиантами. Только политики могут надоесть больше актёров. Хотя политики и сами актёры. Как, впрочем, каждый из нас.

В этой книге пойдет речь не о так называемых «медийных» представителях данной профессии, не о тех, кого все знают. Тем более, артисты, о которых пойдет речь – в первую очередь артисты театральные. Нет, и театральные артисты играют в кино и их все знают. Здесь речь пойдет о малоизвестных, и неизвестных артистах, не менее талантливых, но сосредоточенных по большей степени в стенах своего «родного дома» – в стенах театра.

О театральных артистах сложены свои штампы и легенды. Например, что театральные актеры и актрисы все время совокупляются между собой за кулисами, выходя в перерывах нехотя на свои сцены, или, что души почивших актёров всегда живут в театрах, пугают зрителей, и подсказывают реплики, так как их души неуютны Богу, и неспроста раньше актеров хоронили за церковной оградой. Не верьте дешевой молве... Не верьте! Бог ждет и любит каждую душу, хоть актера, хоть филателиста, хоть английского короля. Невероятных совокуплений за кулисами я не видел. Во всяком случае, это очень неудобно...

Пусть эти небольшие произведения, где реальность и сказка переплелись, откроют вам краешек занавеса или кулисы, чтобы вы подсмотрели немного простой актерской жизни. Не когда умирает героиня, и все плачут и аплодируют, не когда Фальстаф хохочет с кружкой пива, или предан лучшим другом. А с того момента, когда разбирают декорации, актеры расходятся по примеркам, и уставший помощник режиссера говорит в трансляцию, что «спасибо всем за спектакль»...

...и немного об авторе. Александр Мирлюнди, (это, как понимаете, псевдоним), – артист одного столичного театра. В театральное училище пришел уже довольно зрелым человеком, закончив строительный институт. Член литературной группы «Аксаксакс Млэ». Полукомик. На вопрос, с каким животным себя ассоциирует, отвечает, что с французским бульдогом.

На этом пока всё.

А. Сретеньев

Эту книгу автор посвятил светлой памяти своих добрых друзей, покинувших этот мир, актерам Руслану Спиридонову и Дмитрию Солодовнику. Рухе и Соло.

!!!!!!!ВНИМАНИЕ!!! В КНИГЕ ПРИСУТСТВУЕТ НЕЦЕНЗУРНАЯ ЛЕКСИКА!!!!

РУБИН

(из цикла «Мочаловцы»)

Первый раз он встретил ее в борделе. Он был молодым, подающим надежды артистом. Красавцем-шатеном с баритоном и глазами с поволокой.

Перед ним стояли полукругом около дюжины женщин в одних узких трусиках. Молодые, чуть постарше, славянки, восточного типа, брюнетки, блондинки, и даже одна мулатка под два метра ростом.

Он выбрал совсем юную азиатку с множеством смоляных косичек на голове.

Дома ждала жена с дочкой. Еще где-то томились несколько любовниц.

В комнате с розовым освещением стояла большая кровать с двумя подушками. Над кроватью висела дурновкусная картина, на которой была изображена Красная Шапочка с огромными красными губами, в полном неглиже и с хлыстом в руке. Волк в непристойной позе был привязан к дереву. На тумбочке стояли интимные «специи» для более жаркой любви, и презервативы.

Азиатка, почти девочка, стояла посреди комнаты, прикрывая рукой гладко выбритый лобок, и испуганно смотрела на него раскосыми глазами. Маленькая грудь с черными пятнышками сосков чуть вздрагивала. Черные косички лежали на худых плечах с острыми ключицами.

Он спросил ее имя. Она ответила. Ему понравилось, что ее имя было созвучно с его фамилией. С ее родного языка оно переводилось как «рубин».

В постели она была несуразна, зажата, и неуклюжа. После всего он понял, что был у нее первым мужчиной. Может, именно поэтому ему показалось очаровательным быть с ней.

Он стал посещать бордель, и неизменно спрашивать ее.

Он получал главные роли в театре, блистательно играя холодных красавцев с уальдовским юмором. Его голос сводил с ума дам. От жены, ревнующую его едва ли не к табуретке, устраивающую истерики по поводу, и без повода, непонимающую, как можно все время пропадать в театре, он ушел. Любовницы стали ему надоедать...

Вобщем, он разочаровался в любви. Он мягко посмеивался над влюбленными, говоря, что любви нет, что любовь это ни что иное как сексуальное влечение, щедро, (или не щедро), одобренное культурой взаимоотношений. И не более. Любовниц он разогнал. И только ее он посещал в борделе, чтобы успокоить свою мужскую физиологию.

Шли годы. Он также получал роли в театре, постепенно переходя в амплу благородных отцов. Все также смеялся над влюбленными, говоря, что любви нет. В его львиной шевелюре стали преобладать серебристые нити. С женщинами он был галантен, красноречив на комплименты, но близких отношений не заводил. В театре о нем пошли слухи, что он латентный гомосексуалист. Его круг, кроме театра и немногочисленных съемок, составляли книги, алкоголь, старенькая мама, любимая такса, и она, к которой он ходил неизменно по понедельникам удовлетворять свое желание.

Она к тому времени уже ушла из борделя, и снимала однокомнатную квартиру рядом с центром, и дома на компьютере занималась переводами. Кроме своего родного языка и русского она знала также английский и арабский. Она была хорошо образована. Среди проституток это не редкость.

Однажды она, потупив свои раскосые глаза, сказала, что не хочет принимать от него деньги. Он устроил скандал, сказав, что ему не надо подобных благодеяний, что каждый человек обязан получать плату за свою работу, и, в очередной раз напомнив ей, чтобы она не забыла сдать анализы и провериться, раздраженно хлопнув дверью, ушел...

Когда он пришел в следующий раз через неделю и позвонил в ее квартиру, дверь открыл неизвестный пожилой лысоватый азиат с заплаканными глазами, и отошел в сторону, предлагая войти.

В однокомнатной квартире – студии было несколько человек в черных одеждах, переговаривающихся шепотом. Она лежала на столе, прикрытая каким-то тонким ковром, в который ее сегодня должны были завернуть, и отвезти в родной город, чтобы захоронить в соответствии с обрядами. Судя по разговорам, о ее прошлом никто не знал и не догадывался. Говорили о том, что смерть была легкой, сердце остановилось во сне.

– Я был в это время, – говорил лысоватый пожилой азиат. – Дочка сказала, чтобы я никогда в понедельник не оставался. Это какой-то особенный был день... Она к нему готовилась, ждала, радовалась... Я должен был утром рано уехать, проснулся, а тут такое...

Внезапно он увидел на ее столе рядом с компьютеров свой портрет в рамке, вырезанный из журнала многолетней давности...

– Она этот портрет даже в отпуск с собой привозила, – заметил азиат его взгляд. – Вы ведь ее друг?...

Он понял, что она, чтобы не смущать его, перед его приходом прятала портрет, а после того, как закрывала за ним дверь, снова ставила портрет на стол. И еще он подумал, что никогда не интересовался, есть ли у нее семья, или нет.

Больше он никогда в жизни не спал с женщинами.

И еще артист Сугробов перестал говорить, что любви нет.

ЛЮБВЕОБИЛЬНЫЙ **(из цикла «Мочаловцы»)**

Для артиста Виталия Погодина слово «любовь» было всем. Он любовью жил. Любовью дышал. Любовью бредил.

«Без любви нет нашей профессии!», – любил говорить артист Виталий Погодин.

Влюблялся он «каждые три с половиной минуты», как он сам говорил про себя. В актрис, умерших и живых, в костюмерш, в соседок по подъезду, в госслужащих, в продавщиц, в случайных женщин на улице, и даже в контролерш.

«Виталик наш такой любвеобильный!», – говорили про него в театре. Виталик краснел, и, отводя глаза, смущенно отвечал: «Что греха таить, не без этого».

Надо сказать, что женщины отвечали ему взаимностью. Да и как не влюбиться в этого худощавого стройного щеголя с тоненькими усиками, холеными руками, и густой прядью, ниспадавшей на мраморный лоб и глазами цвета неба!

Огромное количество красивых и хорошеньких женщин кружились роем вокруг Виталика с юных лет. Количество любовниц не поддавалось подсчету. Но, что очень важно, в отличие от других бонвиванов, Виталий Погодин был предельно честен с женщинами. Он никогда никого не обманывал, так как считал это непорядочным по отношению к женщинам, и вообще к людям. Стоило ему в очередной раз влюбиться, он честно говорил бывшей пассии, что он полюбил другую, и что им необходимо расстаться, так как это просто некрасиво и аморально врать друг другу, имея любовь на стороне. Оттого и браков у Виталия Погодина было несколько.

Первый раз Виталик женился сразу после театрального института на коллеге-героине, старше его на шестнадцать лет. Жена была чувственна, с полными руками и низким голосом. Они играли вместе в пьесе про Сергея Есенина и Айсейдору Дункан. Когда Виталик ушел к бизнесвумен, старше его всего на несколько лет, «Айсейдору» топтала в гримерке портрет Виталика, и страшно кричала. Потом они помирились, и даже, по словам обеих сторон, «сохранили дружеские отношения».

После бизнесвумен Виталик женился на сверстнице. Преподавательнице испанского из элитного колледжа. С ней он познакомился в самолете. «Наш брак заключен на небесах!», – говорил он по этому случаю. «Небесный брак» продержался недолго, и снова избранницей Виталика стала преподавательница. На этот раз фитнеса. Курносенькая веселушка с аппетитными формами, на одиннадцать лет моложе Виталика. С ней он добавил в свой гардероб много подростковых спортивных костюмов. Он ездил с ней и с ее друзьями на пикники и говорил, что молодеет душой. Через довольно большой промежуток времени Виталика стал раздражать ее смех. Внезапно его осенило, что с этой гимнасткой не о чем говорить, что на ней присутствует налет вульгарности, и честно сказал ей об этом. Девушка съехала. Через год Виталик узнал, что она сошлась с каким-то хореографом, и это сильно оскорбило его...

Между официальными браками была прослойка из гражданских.

Последний раз Виталик женился в пятьдесят два года на девушке, моложе его больше, чем на тридцать лет.

Спектакля в тот вечер не было. Был прогон. Затем обсуждения допоздна. Когда Виталик вышел из служебного входа, молодая девушка протянула ему программку и попросила автограф.

– Ах, поклонницы-поклонницы!, – устало и шутя проворковал Виталий. – И даже в полночь нет от вас покоя...

Виталик размашисто расписался. В росписи фамилии буква «О», как всегда, была в форме сердечка.

– Спасибо!, – тихо поблагодарила девушка. Виталий поднял на нее глаза.

Она была среднего роста. С широкими бедрами и плечами. Округлое лицо. Щечки с ямочками. Вьющиеся густые волосы, постриженные под каре. Кофточка поверх длинного летнего платья. Очертания крепкой груди под ними. Дыхание Виталика участилось, и стало более прерывистым.

Разговорились. Настя училась на филологическом факультете. Оканчивала третий курс. Коренная москвичка. Профессорская семья...

Во время разговора, не обращая внимания на окликавших его коллег, Виталик аккуратно взял Настю за руку. Настя не сопротивлялась. Не прерывая беседы, он подвел ее к своей машине, и элегантно отворил дверь. Будущий филолог покорно села. Машина, резко, «по-шумахеровски», развернулась, и помчалась в сторону виталиного дома.

Утром они проснулись вместе.

Незадолго до свадьбы Виталий серьезно поговорил с невестой.

– Я очень влюбчивый. Очень. Я не могу без любви. Анастасия, я не хвастаюсь, и не жалеюсь, а просто констатирую факт. Если я полюблю другую, я честно уйду. Со мной жить, это как жить на вулкане. Я Везувий! Хочу, чтобы ты знала это... Ну что?

– Виталий Михайлович, я согласна стать вашей женой!, – не думая, выпалила Анастасия.

Через год появилась прекрасная девочка, и Виталий впервые познал радость отцовства. Еще через несколько лет – мальчики-близнецы. Счастливый Виталий летал в ворохе ползунков, памперсов, ночных горшков и пеленок, время от времени омрачая свое существо мыслями о том, что он может полюбить другую, и тогда вынужден будет покинуть этот чудесный семейный мир с его добрым уютом и теплом. И он тем более говорил, как он ценит человека, который рядом с ним, который жертвует всем ради него, и готовый к тому, что он покинет семью, если ему встретится женщина, к которой у него ляжет сердце.

– Знаете, я очень ценю Настю, – говорил Виталий в одной семейной телепрограмме, куда их с женой пригласили. – Между нами нет лжи, а это главное в отношениях мужчины и женщины. Она готова к тому, что я уйду к другой, если полюблю. Честные отношения в семье – это прекрасно!

Бледная Настя сидела рядом, ничего не говорила, и смотрела в пол. Она сильно похудела и подурнела от большого уважения к ней мужа.

Однажды она со слезами на глазах попросила мужа больше не говорить ей о том, что он может уйти, полюбив другую, и тем более не выказывать к ней уважение за то, что она это понимает и принимает.

Виталий закатил истерику, сказав, что Настя хочет убежать от правды, спрятавшись в своем иллюзорном мещанском мирке, и что она знала, на что идет, так как перед свадьбой он предупреждал ее, что он Везувий.

Все пошло по-прежнему. Виталий приезжал из театра, приговаривая: «Не бойся, милая, пока не влюбился!». За семейным столом любил подтрунить над женой, что со своими выдуманными трудностями и заботами она скоро будет похожа на Кощея Бессмертного. Дети смеялись вместе с отцом. Настя слабо улыбалась.

Она похудела и подурнела еще сильнее. Стала больше и дольше болеть. В минуты отдыха она не гуляла, не читала, а просто дремала на кровати.

Однажды он позвонил ей с банкета, и сказал, что сильно выпил и скоро приедет. Она ждала его минут сорок на ноябрьском ветру у подъезда, так как Виталий попросил водителя остановиться у ночного ресторанчика, чтобы пропустить еще пару рюмок.

Утром Настю стал бить озноб. Похмельный Виталий сказал, что вылечит ее своей огромной любовью, смачно поцеловал в лоб, и отправился на репетицию. Когда приехал вечером, Настя лежала в бреду с температурой сорок с половиной... Голодные дети впервые в жизни пытались сделать что-то сами, распотрошив холодильник.

Ночью Настя умерла...

Утром после похорон Виталий умылся, поглядел в зеркало, и ужаснулся... На него смотрел неприятный облезлый человек с выцветшими глазами, собственноручно столкнувшего свою жену и мать своих троих детей в могилу...

...Когда Виталия по старой памяти кто-то в театре называл «любвеобильным», то он вздрагивал, как-то весь сморщивался, закрывал глаза и о чем-то с ужасом думал.

Женщины больше им не интересовались. Назойливые ухаживания сильно молодящегося пожилого человека казались пошлыми и отвратительными.

Зато серьезные критики впервые удостоили Погодина своим вниманием. Он уже не казался им поверхностным резонером с недорогими штампами, в его игре зазвучали по-настоящему глубокие и трагические ноты...

ПЕРВЫЙ АРТИСТ ЭПОХИ (из серии» Уникальные актёры, которых никто не знает»)

Николай Осипович Агапкин был гениальным артистом. Но никто об этом не знал. Да и сам Николай Осипович, по великой скромности своей никому об этом не говорил.

Никто не знал, что Николай Осипович не просто гениальный, а без всяких сомнений Величайший Артист своей Эпохи по масштабу дарования, глубине, и трагизму.

Просто Николай Осипович никогда не выступал на публике. Он проигрывал роли внутри себя. И как-же он это делал! если бы великие души и умы театра хотя бы на минуту заглянули под кожу Николая Осиповича, в минуты его актёрских озарений, то они бы признали свою скудность и мелочность своего понимания театрального процесса и подлинной жизни персонажа!

Первая роль, роль-первенец, где уже чувствовались зачатки могучего дарования, была сыграна 6 сентября 1975 года, когда Николай Осипович, в ту пору простой учащийся строительного ПТУ, ехал домой и читал чеховского «Злоумышленника». Он закрыл глаза, и... внутри него полилась музыка. Гениальная музыка роли простого деревеннского мужика, открывавшего гайки.

Если-бы пассажиры троллейбуса могли видеть, с какой страсть Николай Осипович внутри себя проигрывает роль, с каким бесхитростным комизмом и в тоже время трагедийностью, то они, скорее всего, встали бы перед Николаем Осиповичем на колени.

Через пару лет пришла вторая роль, в которой дарование Николая Осиповича развернулось уже с настоящей силой. Ещё бы, ведь это была роль Гамлета, одна из его лучших ролей, для которой он был рождён. Первый раз она была сыграна, как всегда, внутри себя, а затем много раз повторена в более мощных и глубоких редакциях на стройке, на планёрке, в доме отдыха и даже стоя в очереди за дефицитными товарами. Домашние, жена и две дочери, часто не понимали, почему их любимый муж и отец чувствует себя плохо, отчего не хочет кушать и смотреть телевизор. Ибо роли, как всякий великий артист, Николай Осипович отдавал себя всего, без остатка. Его Гамлет был, без преувеличения, на множество голов выше Гамлетов Смоктуновского и Лоуренса Оливье, и даже выше, хотя и не намного, Гамлета Мочалова.

Великая шекспировская роль отняла у Николая Саныча много сил, и поэтому в последующие несколько лет он создал не такой величины как Гамлет, но тем не менее запоминающиеся и грандиозные образы: просто по-чаплински филигранно сыгранный Основа с ослиной головой во «Сне в летнюю ночь» того же Шекспира, до слёз трогаящего Грегора Замзу в «Превращениях» Кафки, влюблённого Парфёна Рогожина в «Идиоте» Достоевского, немного суховатый Уриэль Акоста. Наконец-то в творчестве Николая Осиповича появился его современник: роль Кистерёва в пьесе Тендрякова «Три мешка сорной пшеницы» Николай Осипович любил особенно, и, нередко играя её, никогда не расслаблялся, и с годами вносил в неё всё новые и новые нотки.

В сорок лет начался новый виток творчества Николая Осиповича. Так сказать, буйный взрыв его могучего таланта. С разницей в несколько дней были сыграны абсолютно разные персонажи из одной пьесы. Карл и Франц Мооры из шиллеровских «Разбойников». Что интересно, сыграны они были в северной командировке, когда уставший от адского труда прораба в условиях вечной мерзлоты, Николай Осипович еле живой валялся на койке в бараке! Такая вот северная гастроль, похожая на большой подвиг! Да и не то чтобы похожая, это и был настоящий подвиг...

Затем была вершина! Один за другим в течении нескольких лет идут сценические шедевры: Отелло, Ричард Третий, Павел Первый и Иоанн Грозный! Великие роли великого артиста, как всегда, сыгранные им про себя, но как сыграны! Это ведь был Великий Артист...

Умер Николай Осипович, не дожив до пятидесяти лет, в конце нулевых. Умер на сцене, как и подобает великому артисту. В сцене безумия Николай Осипович-Король Лир вдруг осёкся, голос потерял былую мощь, он упал на руки статистов, играющих охранников, а затем сполз на сцену и затих... Великий Актёр скончался от разрыва сердца... В это время обыватели видели, как тихоня – работяга Колька Агапкин выронил поднос с супом и макаронами с биточками во время обеденного перерыва, упал на линолеум общественной столовой, и затих. Никому было невдомек, что умер Артист.

Великий Артист.

Лучший Артист Эпохи.

НОГИ АРТИСТА ДЫМОВА (из серии «Уникальные актёры, которых никто не знает»)

У артиста Семёна Дымова были очень красивые ноги. Это отмечали все. Одноклассники, педагоги, зрители, и обычные незнакомые люди. Бывало, идёт Дымов у себя по Люсиновской в шортиках, или по пляжу в плавках, шурясь на солнце, и все прям засматриваются на его ноги. И стар и млад. Оборачиваются, улыбаются. Люди в плохом настроении буквально преображаются, видя дымовские ноги. А он знает свое достоинство, и не стесняется подчеркнуть его!

Холил он свои ноги старательно, покупал для них дорогие кремы и мази. Ещё бы, такое богатство иметь!

Как-то забрали Семёна в милицию. Ничего серьезного. Так, по-пьянке. Старлей попался безумный, кричал, махал кулаком и обещал посадить Дымова на 15 суток. А Дымов прям в отделении сбросил брюки, и положил свои ноженьки на стол... И старлей размягчился, залюбовался. Улыбка осенила его каменистое лицо. Он глазами так спрашивает Сёму: «Погладить можно?». А тот также глазами отвечает: «Да гладьте, не жалко!».

И долго стоял старлей и с огромным умилением гладил дымовские ноги. И не было в этом никакой пошлости, и как говорят, гомосетины! А было огромное эстетическое чувство, вспыхнувшее в суровом полицейском сердце от созерцания и прикосновения к прекрасному.

И не было в дымовских ногах ничего броского. Они не были длинными, как у модели, ни изящными с тоненькими лодыжками, как у Белоснежки. Вроде простые кривоватые кочерыжечки, покрытые негустыми светло-пепельными волосками. Но была в них настоящая, внутренняя, потрясающая естественная природная красота. Вроде на первый взгляд ничего нет, но потом все больше и больше изумляешься, видя в них удивительный смысл и какой-то добрый исходящий теплый свет...

Семён в кино сейчас снимается. Какая-то бытовая драма сельского учителя. Надеюсь, режиссер догадался как можно чаще крупным планом показывать ноги Сёмы. Уверен, что да!

Удачи тебе, актёр Дымов! Удачи тебе и твоим бесподобным ногам!

РЕДЧАЙШИЙ ТАЛАНТ (из серии «Уникальные актёры, о которых никто не знает»)

Кто-то из артистов раскрывается сразу после училища. Кто-то, наоборот, попозже. После сорока. У кого-то комедийные роли получаются намного лучше, чем трагические. У кого-то, наоборот, Гамлет доминирует над Хлестаковым. Я знал прекрасного артиста с лысиной и без двух пальцев на руке, который был бесподобным героем-любовником. Одновременно знал двухметрового красавца, прекрасно исполнявшего фарсовые роли второго плана...

Но у выпускника киноинститута Леонида Мурашкина был удивительный, редчайший, ни с чем ни сравнимый талант – он абсолютно гениально ЕЛ в кадре.

Режиссеры, слава Богу, замечают это, и снимают его больше и больше.

Недавно видел телефильм, где главные герои, мужчина и женщина, в исполнении двух популярных артистов, встречаются в ресторане после долгой разлуки. Показывают крупным планом их выразительные лица, страдающие взгляды... Камера движется, и там, на заднем плане, в групповке, сидит Леонид Мурашкин, и тихо кушает вареную камбалу двухзубцовой вилкой.

Просто бесподобно кушает! Удивительно кушает!!! Сразу ощущении ресторации, где два одиноких сердца наконец находят друг друга! От Мурашкина исходят волны добра и здоровой энергии, когда он, неброско вроде и просто, долго и задумчиво жуёт рыбий хвост! И как это помогает главным действующим лицам на переднем плане, чувствующим уверенность и крепкий тыл в лице Леонида!

А главное, Мурашкин никогда не тянул «одеяло на себя», не мешал партнерам своим присутствием, более того, был практически незаметен. Он просто сидел в углу, и молча делал свое дело. Молча ел. И ел гениально!

«Мои мама с папой работали в столовой, – скромно говорит с очаровательной улыбкой Леонид. – Поэтому все, что касается еды для меня священо. При виде еды, я уже не ИГРАЮ, я уже по настоящему ЖИВУ в кадре, и режиссеры, конечно, замечают это, и поэтому приглашений сниматься у меня достаточно!».

Что-же, пожелаем этому артисту с уникальным даром счастья и любви в будущем, и побольше съемок, чтобы он почаще радовал нас своим талантом!

Удачной еды в кадре, редчайший артист! Ура!

НЕПРОСТАЯ ФАМИЛИЯ **(из серии «Уникальные артисты,** **которых никто не знает»)**

У Алексея Романыча, актёра одного провинциального, но неплохого театра, была своеобразная фамилия-Пиздюк.

По семейной легенде, первым эту фамилию носил его предок, более того, его коллега, крепостного театра крепостной актёр по имени Максим.

Помещик-театрал, самодур и пьяница, обрюхативший на зависть всем всех актрисок, как говорилось в легенде, относился к Максиму-предку свысока, и крайне эксплуатировал его.

«А это, -говорил он, представляя артистов, премьер моей труппы! Главный комик Максим-пиздюк! Ничего не умеет, только на сцене дураков играть!».

Пиздюк и пиздюк... Но через некоторое время обидное прозвище превратилось в безобидное, и через много лет после отмены крепостного права, когда прошла очередная перемена власти и стала очередная перепись населения, смешливый пьяный сосед-писарь так и записал в государственном документе: семья Пиздюков. И дальше по именам...

Алексей Романыч гордился своей фамилией. Он помнил, как его отец, пьяный коммуныка-антисемит брал его в редкие минуты нежности на колени и говорил: «Помни, Лёха, среди нас, Пиздюков, жидов и трусов нет! И фамилию мы чтим!».

В театре, к глубокой обиде Алексея Николаича, настояли на том, чтобы в программках его фамилия писалась как Пасюк. «Негоже первому любовнику, -сказал одутловатый главреж, он же учитель Алексея Романыча по театральному училищу, -Быть пиздюком!». Алексей Романыч обижался. Ему обидно было быть какой-то серой крысой. Он хотел быть Пиздюком.

Друзья и коллеги по театру за рюмочкой, слушая в тысячный раз его фамильную историю и посмеиваясь внутри себя, говорили ему: «Да ладно, Лёх, смени ты наконец фамилию!». Алексей Романыч после этих слов свирепел, возбуждённо размахивал руками и своим красивым драматическим тенором полукричал: «Да кто вы такие, чтобы мне советы давать?! Мой предок, великий артист, был Пиздюком, мой дед был Пиздюком, мой отец был Пиздюком, я-Пиздюк, и мои дети будут Пиздюками!». Жена Алексея Романыча, бывшая инженеру, в эти минуты что-то бормотала под нос, и, отвернувшись, мелко крестилась. Из-за неё и произошла трагедия...

За несколько недель до совершеннолетия их единственного ребёнка, сына Тольки, и до получения им паспорта она часто отводила отпрыска в сторону и что-то возбуждённо нашептывала ему на ухо. В итоге Толька, пришел домой со свеженьким паспортом, и, потупя глаза, сказал, что он взял фамилию матери, и стал из Пиздюка банальным Макаровым...

Это потрясло Алексея Романыча. Целый день он просидел в кресле, вцепившись бледными кистями в подлокотники, и, закрыв глаза, проговаривал роль графа Альмавивы, на которую уже несколько лет как ввели молодого артиста. Вечером ему стало плохо. Вызвали скорую. По дороге в больницу Алексей Романович Пиздюк скончался от разрыва сердца...

Вот так нелепо фамилия Пиздюк стёрла своё существование с лица земли.

Как-же часто бывает, что женщина, с которой творческий и талантливый человек связывает свою жизнь, оказывается его главным и беспощадным гробовщиком...

АКТРИСА ЛАРИСА

У актрисы Ларисы были очень нежные руки. Когда она нежно обвивала ими на сцене шею героя, благородного отца, или несчастного брата с трагической судьбой, те млели, и даже немного выходили из роли.

У актрисы Ларисы были очень нежные ноги, которые она любили нежно скрещивать за шеей очередного любовника в наиболее интимные минуты своей жизни.

У актрисы Ларисы были очень нежные губы. Ну тут без слов.

Да и почти вся актриса Лариса была очень нежная. Очень-очень. Нежная прям до изнеможения.

Вот только сердце у актрисы Ларисы было не нежное. И поэтому актрисе Ларисе все время казалось, что её окружают сплошные мрази, подонки, и ничтожества.

КАК МЫ ПЕРВЫЙ РАЗ В ЖИЗНИ ИГРАЛИ ШЕКСПИРА (из записок Сретеньева)

Ранней зимой, после того как всю осень наш театральный класс работал над детскими этюдами, зверями и русскими народными сказками, наши педагоги собрали нас всех на сцене школьного актового зала, где у нас происходило мастерство актёра, и сообщили, что они после долгих размышлений и споров решили идти на риск, и доверить нам самостоятельные отрывки из Шекспира.

– Берите, что лично близко! Как подсказывает вам ваше сердце!, -напутствовал нас один из педагогов, Александр Сергеич Н., актёр и режиссёр тогда ещё театра им. Гоголя.

– Мы будем играть «Ромео и Джульетту!», – уверенно сказал на следующий день Серёжа Перелько мне и моему тёзке Саше Кошечкину. После того, как Саня пытался пошутить, уж не Джульетту ли собирается играть Серёжа, то последний очень сурово сказал, что Шекспир не место для шуток, и что отрывок из этого произведения ему очень важен как начало, как он выразился, нового «жизненного витка», и что он видит себя, (очень давно кстати), только в этой трагедии. Саша ехидно улыбнулся, и извинился.

– Комедии это чушь, -продолжал Серёжа, -Бегать там, рожи корчить, я не буду. Я человек серьёзный, и хочу играть только серьёзные вещи. У меня к «Ромео и Джульетте» это, как там, сердце лежит. Ты, Сань, (это он к Лисичкину), будешь играть Аптекаря. Это старичок такой. Ядами торгует. Хорошая роль, для тебя как раз. А ты, Шур, (это уже ко мне), -Бальтазара. Это слуга.

Все мы трое благоговейно замолчали, осознавая, что это первое в нашей жизни так называемое «распределение ролей».

– Серёж, а ты кого будешь играть?, -робко прервал я тишину. Сергей посмотрел на меня недоумённым взглядом:

– Как кого? Ромео!

– А-а-а-а...

В тот же день мы приступили к делу. Прочитав по ролям отрывок, где Бальтазар сообщает Ромео о смерти его возлюбленной, и Ромео покупает у Аптекаря яд, мы, прочитав про Аптекаря что

...В его лавчонке жалкой черепаха

Висела, и набитый аллигатор

И кожи всяких страшных рыб...

тут же решили, что нам для отрывка нужны настоящие чучела. Они имелись в школе в одном только месте: в кабинете биологии. Выкрасть их оттуда, висевших на виду, представлялось для нас неразрешимой задачей. (Вопрос о том, чтоб их просто попросить, даже не стоял, никто из и подумать не мог о таком пижонстве). И взгляд наш потихоньку переключился на задний шкаф, в котором в очень большом количестве стояли банки с заформалиненными животными, червями и прочими гадами. Черви не подходили, так как не было понятно, что это вообще черви, просто какие-то белые и красные палки в воде; морской ёж со сцены напоминал бы скорее маленькую глубинную бомбу; ящерица показалась нам откровенно банальной; а казахская гадюка вызывала отвращение даже у Кошечкина. В итоге после недолгих споров сошлись на пучеглазой африканской лягушке и на зародыше кролика, и на перемене, дождавшись, когда в классе никого не будет, быстро открыли шкаф и попрятали банки в портфелях.

Весь урок просидели как на иголках. Всё время казалось, во-первых, что учительница заметит отсутствие банок, и во-вторых, что банки разобьются, и формалин вместе с животными потечёт на учебники. В середине урока Кошечкин ткнул меня в бок.

– Череп надо свистнуть, череп, -сопел он, -ведь Аптекарь он кто?! Алхимик!! Хочу из черепа на сцене настоящее вино пить!

– С ума сошёл!, -я ужаснулся, -Он же над самым учительским столом висит, на самом видном месте!

Кошечкин разочарованно вздохнул.

Всё обошлось. Никто отсутствия банок не заметил, и, так как урок биологии был последним, мы в замечательном настроении, шутя и друг друга подначивая, и предвкушая, в какое изумление придут наши педагоги, увидев на столе Аптекаря наших уродцев в банках, спустились репетировать в подвальчик, который школа выделила нам для переодевания, и где, так как мы оканчивали позже всех, часов в 7—8, можно было попить чаю и отдохнуть.

То, как мы репетировали, по-большому счёту сложно назвать репетицией. Всё сводилось к тому, что каждые пять секунд кто-то из нас забывал слова роли, а другие ему подсказывали. Потом Саня Кошечкин стал говорить, что Ромео должен непременно танцевать и петь песни, как любимый актёр Серёжи Митхун Чакроборти, а я, смеясь, предложил абсолютно бредовую идею, что Ромео почему-то обязательно должен быть голым. Мы представляли Перелько стоящим на сцене в костюме Адама, краснеющего, с улыбкой стеснения прикрывающего причинные места, и корчились от хохота. В конце концов, с грехом пополам выучив текст, мы разъехались по домам.

На следующий день был показ. И если мы с Саней еще шутили, то у Перелько от вчерашнего веселья не осталось и следа. Он сразу пресёк все наши шутки, сказав, что мы несерьёзные люди, и шутим оттого, чтобы хоть как-то прикрыть нашу внутреннюю пустоту и бездуховность.

Наш отрывок был где-то посередине. В драных штанах, босиком, в кожаной желетке на голое тело, похожий скорее на голодранца из фильма «Путёвка в жизнь», чем на слугу из знатного веронского дома, я сидел за кулисами. Меня вдруг ни с того ни с сего захватило волнение. Руки мои начали трястись, и я в итоге, чтоб их как-то унять, взял в руки какую-то розовую грязную тряпочку, которая вскоре стала мокрой от пота. Саня Кошечкин сидел рядом, одетый в прямом смысле слова в мешок, в днище которого он проделал дыру для головы, и отрезал углы, превратив их таким образом в прорези для рук. Талию его обхватывал широкий армейский ремень, медную пряжку которого, увенчанную пятиконечной звездой, Саня завернул за спину. Перелько хмуро глядел в пол и всё время хотел курить.

Прямо перед нами был отрывок «Сон в летнюю ночь», который делали Андрюша Ершов и Катя Заовражная. Они изображали царя и царицу из какого-то далёкого древнегреческого полиса. Они ходили, завёрнутые в белые простыни с размалёванными казёнными печатями на спинах и босиком. Охали, ахали, корча из себя влюблённых, и в конце-концов завалились спать прямо на сцену. Андрей при этом тихонько взвизгнул, получив занозу в голую ляжку. Это почему-то меня развеселило и придало сил.

И... вот он!!! Момент истины!

Нас объявляют: «Ромео и Джульетта», в отрывке играют...»...

Я уже ничего не слышу, и смотрю на полку, на которой валяется чья-то грязная рубашка... Чья она? Вот Сеня Корсунский и Полина Бирюкова выносят в глубь сцены парту, изображавшую лавку Аптекаря. Почему Полина Бирюкова?! И...«С Богом!», -раздаётся под ухом хриплый шёпот Кошечкина.

С серьёзным, даже немного настороженным лицом Серёжа Перелько в образе благородного Ромео вышел на сцену. Он поморщился: некогда изящные остроносые сапожки моей мамы безумно жали его ногу 43-его размера. Белая рубаша навыпуск была подпоясана красной верёвочкой.

Немного переваливаясь с ноги на ногу, он вышел на авансцену и сурово посмотрел в зал, на педагогов. Я почувствовал, как в зале нарастает напряжение... Перелько перевёл взгляд куда-то в глубь зала и резко начал:

Коль можно верить сновиденьям сладким,
Мне сны мои предсказывают радость.

Зал, и мы, за кулисами, вздрогнули от неожиданности. Перелько продолжал в том-же резком тоне:

В груди моей, как царь на троне-сердце.
Бац! С громким шлепком он ударил себя ладонью в грудь и стал мять её пальцами.

– Серёжа, сердце с левой стороны, с левой!, -раздался шёпот из противоположной кулисы, но Серёжа двигался дальше:

Как сладостно владеть самой любовью,
Коль тень её уже богата счастьем.

На последних словах он хотел улыбнуться, но от волнения и сценического зажима улыбка вышла какая-то кривая, превратив его лицо в какую-то гримасу опричника. Но я этого уже не видел, я перекрестился, и выбежал на сцену с напуганным взглядом.

Серёжа медленно повернул голову, и, увидев меня, вместо того, чтобы обрадоваться, почему-то испугался:

Ах, вести из Вероны??Бальтазар??

превращая все восклицательные знаки в вопросительные, и почему-то сверля меня подозрительными глазами, сказал он. Серёжа внезапно стал каким-то угрюмым. Затем он спокойно подошёл ко мне и протянул руку для рукопожатия:

Привет! Привёз письмо ты от Лоренцо?

Здорова ли моя Джульетта? Если

Ей хорошо, дурного быть не может!

Он стал спрашивать меня тем тоном, которым обычно строгая учительница спрашивает урок у занятого троечника. На что я громким шёпотом, глядя за окно, ответил:

Ей хорошо, дурного быть не может,

Её ОСТАТКИ в склепе Капулетти...

– Придурок, ОСТАНКИ, а не ОСТАТКИ!, -зашипел из кулисы Кошечкин. Но я продолжал:

Я видел сам, как в склеп её несли

И тотчас же помчался к вам с вестями.

И тут... С Перелько случилась полная метаморфоза: угрюмость его сделалась какой-то угрожающей, он склонил голову как-то неестественно вправо и глубоко задумался, нахмутив лоб, и после долгой паузы глухо сказал:

Так вот что!

Затем, повернувшись лицом в зал, он поставил руки в боки, и каким-то меланхолическим голосом промолвил:

Я шлю вам вызов, звёзды!

затем, повернувшись ко мне, впроброс кинул:

Беги в мой дом. Дай мне чернил, бумаги

И лошадей найми: я еду в полночь.

Я продолжал:

Синьор мой, умоляю, успокойтесь:

Вы бледны, ваш безумный взгляд сулит
Недоброе.

говорил я это ему, глядя в его уставшие глаза и спокойное щекастое лицо, которое, видимо, полностью смирилось с потерей любимой, и казалось, говорило только одно: «Когда же всё это кончится!». Он смотрел на меня ещё секунды четыре, потом осознал, что теперь его фраза:

Ну, всё равно, -ступай
И лошадей найми. Приду я скоро.

и при слове «лошадей» он как-то вяло показал, что скачет на лошади. В зале кто-то глубоко вздохнул. Перелько проводил меня за кулисы взглядом, затем перевёл взгляд в зал, очевидно, пытаясь найти вздохнувшего, затем вздохнул сам... Дальше он рассказывал монолог про Аптекаря, про чудовищ в лавке, и про то, что тот торгует ядами. Монолог был ему, мягко говоря, в тягость. Он всё время забывал текст, делал большие паузы, вспоминая слова, а вспомя, возбуждённо улыбался и один раз даже ударил себя ладонью по лбу.

В середине монолога на заднем плане появился Саня Кошечкин. Он первым делом стал делать вид, что вытирает пыль с банок, где находились наши уродцы, и один раз даже поцеловал зародыша кролика через стекло и зачем-то ласково погрозил ему пальцем. Он кряхтел как древний старик, постанывал, и почти всё время чесался, чем ввёл меня в полный восторг: -«Молодец, Сашка, -подумал я с завистью, -Здорово играет! Настоящий виртуоз!».

В это время Серёжа, очевидно обрадованный тем, что монолог кончился, внезапно громким голосом позвал:

Эй, эй, Аптекарь!

Кошечкин поднял голову, усмехнулся и с хитринкой ответил:

Кто зовёт так громко?

Серёжа, очевидно осознав, что впереди ещё целая сцена, опять сделался ипохондриком:

Поди сюда. Ты беден, вижу я,

Продай мне драхму яда, за неё

Бери, вот сорок золотых!

и он, задрав рубаху, полез в задний карман плотнообтягивающих джинс, долго наскрёбывал там деньги, и наконец достал кучу мелочи, как сейчас помню, горсть старых червончиков и пятидесятирублёвиков. Долго отсчитывал, но в итоге сбился и нервно сунул все деньги в руку Кошечкину. Тот подмигнул ему:

Есть много у меня смертельных зелий,

Но за продажу, мой синьор,

Законы Мантуи карают смертью.

Лисичкин-Аптекарь почесал коленку, и внезапно, резким движением руки убил на Перелеве-Ромео воображаемого комара. «Однозначно, Санька настоящий актёр», -серьёзно подумал я. Серёжа, стараясь подыграть, стал апатично размахивать рукой, очевидно, гоняя других комаров, неубитых. Потом положил руку на плечо Кошечкина, и сжал его:

Брось нищету, нарушь закон, бери!

Сашка, потирая руки от выгодной сделки, и радостно подпрыгивая, мелкими шашками подбежал к столу и показал язык заформалиненной лягушке. «И всё-таки Саня-гений!», -опять подумал я. Пошуровав на столе, он торжественно поднял над головой химическую колбу, на дне которой плескался чай. (Ещё за кулисами, перед выходом, разволновавшийся и распотевший Санька со словами: «Ну не подыхать же от жажды!», -вырвал зубами резиновую пробку, и аккуратно, чтоб не видел Сергей, выпил). Он таинственным голосом продолжал:

Влей этот яд в любую жидкость,

И выпей всё: имей ты больше сил

Чем двадцать человек, -умрёшь мгновенно.

Перелько взял колбу и встряхнул её. И понимая, что уже конец сцены, встрепетнулся:
Прощай, купи еды и потолстей!

И дождавшись, когда Кошечкин уйдёт со сцены, повернулся к залу и очень громко и резко, так же как и начал, закончил:

Не яд с собой, -лекарство я возьму
К Джульетте в склеп. Прибегну там к нему.

Он развернулся, и бодрым энергичным шагом гренадёра ушёл за кулисы. Увидев за кулисами нас, он помахал нам рукой и серьёзно сказал: «А чё, вроде нормально!?».

– Тишина за кулисами!!!!, -раздался из зала строгий голос кого-то из педагогов.

После отрывков был разбор. Нам сказали, что не было ни одного стоящего отрывка, что мы абсолютно не понимаем, что делаем, а главное, к сожалению, совсем не понимаем Шекспира. Анатолий Владимирович А., один из худруков класса, обрушился на Сергея с убийственной критикой:

– Серёжа, вы человек эмоциональный, песни пишите, бездомных собак, говорят, любите, но что вы нам за Ромео тут устроили?! Простите за честность, Сергей, но это амёба какая-то, а не Ромео. Инфузория-туфелька. Емеля спящий... Знаете, Сергей, когда-то Эфрос, (это знаменитый режиссёр такой), утвердил на роль Ромео актёра, (он назвал фамилию актёра), за то, что тот на показе плакал, рычал, и с криком заворачивался в половые дорожки! Нет, я ни коим образом не призываю вас заворачиваться в грязные половики, это вообще-то штамп, если хотите, но это-темперамент! Вы понимаете, Серёжа, сценический ТЕМ-ПЕ-РА-МЕНТ!».

Перелько слушал это абсолютно расслабленно, и даже, казалось, равнодушно. Он подумал, и флегматично сказал: «Ну... я не знаю... ну хотите, я вам здесь буду паркет грызть?!».

Анатолий Владимирович вздрогнул.

– Не надо, Серёжа, не надо!, -испугался он. -Подумайтека лучше, что мы вам здесь сказали! -Затем он подумал сам и обратился уже ко всем остальным.

– Ну что, господа, кто не рискует, тот не пьёт шампанского! Даём вам шанс исправиться: через неделю -ещё один показ Шекспира! Думайте, думайте господа головой, и не забывайте про сердце!

Вот так Серёжа, Саша, и я первый раз столкнулись с Шекспиром. «Влезли в шкуры персонажей», -как любили говорить наши педагоги.

После обсуждения мы пили пиво на морозе. Саша Кошечкин говорил, что педагоги ничего толком не секут в Шекспире, и отрывок был, как минимум, неплохим, и в нем даже присутствовало «рациональное зерно». Перелько угрюмо смотрел на асфальт, и зажётся только, когда я начал говорить про будущий отрывок из «Бесплодных усилий любви», где ему отводилась комедийная, и очень смешная роль Башки...

А банки с нашими чудовищами, кстати, так никто из педагогов и не заметил. А если и заметил, то не обратил на них никакого внимания. Я даже и не знаю, что с ними потом стало: может, их вернули обратно в кабинет, может, кто-то взял домой поугагать родственников и не принёс обратно. В подвале их, я во всяком случае, больше не видел.

ГРОБ, КОТОРЫЙ ДОЛГО СТРАДАЛ, НО В ИТОГЕ ОБРЁЛ СЧАСТЬЕ

Это был прекрасный гроб! Один из лучших сыновей одного благородного дерева! Он стоял в витрине магазина ритуальных услуг на центральной улице города, и гордо смотрел на зевак, подозревая в каждом из них потенциального клиента. Он мечтал о том, чтобы в него положили аристократа. А лучше молоденькую аристократку, скоропостижно скончавшуюся от чахотки где-нибудь на водах, и вместо с ней опустили на самое дно могилы. Засыпали землицей, и он бы, гроб, умер бы, но не пустил в свои стены к телу несчастной аристократки червей, мокриц, и прочих гадов. Однажды в ритуальную контору зашел недовольный человек с тоненькими усиками, который ткнул в гроб тростью. И гроб купили и куда-то повезли. Гроб улыбнулся внутри себя своей гробовой улыбкой и подумал: «Вот это здорово! Вот тут-то и начинается мое увлекательное путешествие!». Но гроб принесли в театр, и он вдруг понял, что стал театральным реквизитом...

Это была трагедия...

Трагедия!

Трагедия Шекспира «Ричард Третий».

В гробу лежал статист в королевских одеждах, а прима с легким запахом коньяка с визгом целовала его стенки. В смысле не статиста, а гроба. И гроб закричал безмолвно и страшно! Разве такой поганой судьбы он себе желал?! Судьбы несчастного реквизиторского лицедея... А дальше, о ужас! Ужас, ужас, ужас! В стенах гроба как-то после спектакля молодой герой-любовник вступил в половые сношения с первой гранд-маман! А потом пухлый комик имел кривоногую инженю! А через некоторое время благородный отец, сопя, довел до поросычьего визга травести-кокаинистку. А после того, как на гастролях в Москве Счастливец вступил в содомский грех с Несчастливым, гроб снова безмолвно закричал, и развалился на части. Театр уехал, бросив развалины гроба на произвол судьбы, и рабочие сцены топили останками гроба печурку в подвале. И сожгли его весь, кроме одной доски, где и находилась душа гроба. Ей заменили сломанную доску на сцене, точнее даже не на сцене, а рядом со сценой. Перед самым выходом из кулис. Душа гроба горько плакала, понимая, что так и до конца веков ей суждено быть в этом царстве разврата под названием театр. И разлетелась бы в щепки, но тут... Возле него остановилась одна молодая невысокая крепенькая актриса, которая дрожала и трепетала от волнения. «Опять очередная бездарность!», - вяло подумала душа гроба. Но молоденькая актриса вдруг встала на колени, и с огромной нежностью и любовью поцеловала доску, в которой находилась душа гроба! И гроб вдруг расцвел! И впервые понял, что такое любовь! И понял, что все его предыдущие страдания были лишь необходимыми ступенями, необходимыми ступенями к счастью и любви!

А актрисой той была Мария Николаевна Ермолова, впервые выходявшая на сцену Малого театра в роли Эмилии Галотти.

МОСКОВСКИЙ ПЛОХОЙ ТЕАТР

Анатолий Н., крупный чиновник, сидел, и в очередной раз переслушивал длинный монолог-прошение этого странного человека с полноватым лицом, зачесанными к затылку волосами над лоснящимся лбом, и не сходящей кошачьей улыбкой. Время от времени Анатолий вставал, недоумевающее ходил в тишине по кабинету, задумчиво растирая пальцами виски, затем садился напротив улыбающегося человека, который начинал улыбаться все больше. Затем снова молча вставал, и снова ходил по кабинету.

– Так вы хотите создать плохой театр? Именно плохой?!, – в очередной раз задавал он вопрос, чтобы в очередной раз удостоверится, не прислышалось ли ему.

– Понимаете ли в чем дело!., – в очередной раз не с меньшим жаром стал говорить странный человек. – Мне все говорят – вы плохой режиссер, вы плохой режиссер! Но и плохие режиссеры имеют право ставить! Вообще, к плохим режиссерам нужно более нежное отношение, чем к настоящим творцам. Так же, как и нежнее относятся к инвалидам, колясочникам, детям, пораженным церебральным параличом и иным сирым и убогим! У меня и актеры есть. Не самого высокого качества, если честно. Даже, скажем прямо, плоховатенькие актеры. Но они не могут жить без сцены! Не поверите, как они жаждут играть! И они имеют право играть! Имеют! И я имею право ставить, понимаете?!

– Понимаю!., – после долгой паузы, не понимая, громко прошептал Анатолий. – Но что же вы хотите от меня?!

– Здание... Здание!., – с придыханием, вытянувшись к Анатолию всем телом, подобострастно графически жестикулируя губами, промолвил полноватый. – Тут бывший кинотеатр в Хвостовском, забитый досками. Старое здание, хорошее... Все равно никому не нужно..., – режиссер плохо подыскивал слова. – Я там «Кинг-Конга» когда-то смотрел..., – зачем-то то добавил он...

Анатолий встал. Какие только маргинальные просители не сидели в этом кабинете и чего только не просили. Одна пожилая женщина, бывший комсомольский работник, предлагала взять на поруки и перевоспитание местных проституток. Требовала зарплату. Другой сумасшедший предлагал купить у него за символическую сумму японский остров Хоккайдо. Еще один безумец просил дать ему власть над выюгой и ветром...

Но все эти люди были в не в адекват. И они его не удивляли. Этот тоже в был не в адекват, конечно, но в каком-то особом неадекват. До сих пор неразгаданном. Просить о помощи в организации заведомо плохого театра... Анатолий просто не знал, как себя вести...

Но надо было что-то делать. Хотя бы как-то реагировать. Анатолий привык казаться за последний год человеком действия. Он подошел к окну. За окном стояло веселое время разнузданного марша демократии. Взрывали машины с бизнесменами. Бандиты среди бела дня устраивали разборки в духе американских вестернов. Студенты торговали анашой. По телевизору то и дело показывали пьяного президента, то убегающего в одних трусах покупать пиццу во время посещения США, то поющего что-то в духе Роберта Планта, то откидывающего коленца на каком-то очередном празднике жизни. Чего только не было в этом фейерверке. Но поразительная честность этого режиссера, честно признавшегося, что он плохой режиссер, удивляла. Еще больше удивляла его целеустремленность создать под стать себе плохой театр.

– Но плохой театр, в смысле, в перспективе стать хорошим?, – спросил Анатолий.

Режиссер посмотрел на Анатолия с тоской и тайной мольбой. После того, как в уголке глаза сверкнула слезинка, быстро перевел взгляд на ковер на полу, словно рассматривая на нем линии и загогулины.

Анатолий вздохнул. Ему не жалко было здания кинотеатра. Оно и для клуба-то неудобно, про казино и говорить не приходится. А вот театров он еще не открывал. Но открывать пло-

хой театр... Тут Анатолий подумал, а хороший ли он чиновник. Ведь он никогда и не думал об этом. Чиновник и чиновник. Взятки в меру берет. С мафией осторожничают. Доброжелателен... Ну вроде доброжелателен... Но в целом ничего особенного. Даже и не скажешь, плохой он начальник или хороший. А этот человек честно признался, что он в профессии своей, мягко говоря, далеко не лучший. Анатолий почувствовал симпатию к режиссеру. И еще он ощутил веселость и подъем. Ведь, если что, театр всегда можно закрыть! Проблема ли это, театр?!

– «Кинг- Конга», говоришь смотрел?, – Анатолий подмигнул режиссеру.– А ты так и назови театр-«Кинг-Конг»! Плохой театр «Кинг-Конг»!

Режиссер поднял не понимающие глаза на Анатоля, затем медленно опустил голову вбок, так, что ухо его почти коснулось плеча. Огромная улыбка полумесяцем с поднятыми рогами, казалось, намного расширила его и без того широкое лицо.

Вобщем, апрель 1994 года можно смело назвать рождением Московского Плохого Театра «Кинг-Конг». В крупной газете вышла заметка, что группа актеров, не попавшая после окончания театральных училищ в московские театры, и не собиравшиеся менять профессию из-за неталантливости, и возглавляемые режиссером Р-ким, (так звали полноватого), решили, что если есть хорошие театры с хорошими актерами, то и они, актеры крайне низкого качества в праве иметь свой театр. Плохой театр. Плохой театр «Кинг-Конг».

Новорожденному театру было отдано городом здание старого небольшого кинотеатра в Хвостовском переулке с вместимостью 200 мест плюс малый зал на 50 мест, и всучен лист очень хорошей толстой бумаги, где темно-золотыми буквами были пожелания новому младенцу на театральной карте Москвы счастливого творческого пути, и дерзновенных высоких взлетов...

Начались кропотливые репетиции. Для первой постановки, не мудрствуя лукаво, написали инсценировку «Кинг-Конга». Режиссер Р-кий рвал и метал на прогонах. Кровавых прогонов.

Что ни говори, а премьера прогремела на всю Москву. Возле фасадика, на котором размашистыми безвкусными буквами было выведено МПТ (Московский Плохой Театр), толпилась театральная Москва. Всем было интересно узнать, что это за театр. Имена актеров и режиссера мало кому что говорили, и все почему-то думали, что прилагательное Плохой говорит о том, что это театр с обилием нецензурной брани, т.к. театром просто с нецензурщиной никого не удивишь уже, театр перенасыщенных жестких эротических сцен и с залитой кровью подмостками. Кто-то пустил слух, что на сцене будут резать коров и обезьян. Вобщем, всем было очень интересно...

Многие зрители ушли еще до антракта. Некоторые из оставшихся прикрывали руками глаза, чтобы не видеть то, творится на сцене. Некоторые откровенно смеялись над нелепостью, творившихся на подмостках.

Артист Н., игравший центральную роль Кинг-Конга, бегал в костюме и гриме обезьяны по сцене с огромной линзой в руках, и, чтобы показать, что он большой примат, смотрел через эту линзу в зал, и скалил зубы. Главная героиня наигрывала безбожно, и «кололась», в смысле, не могла подавить смех не по роли, глядя на Кинг-Конга. Массовка, изображавшая дикарей, была откровенно паршива. В конце с кулис опустились несколько игрушечных вертолетов, которые под фонограмму стали «стрелять» в Кинг-Конга. Артист Н, крайне вяло отмахивался от них, а затем зарычал и умер...

На поклонах с жидкими аплодисментами, когда оставшиеся зрители-стоики выходили из зала, на сцену выбежал возбужденный и подвыпивший режиссер Р-кий, который поздравил всех с рождением нового театра, и завопил, что в фойе всех оставшихся посетителей ждет «а-ля фуршет». Несколько человек, решив хоть чем-то скрасить потерянный навсегда вечер, подошли к столам. Но «а-ля фуршет» был под стать спектаклю. Было очень невкусно. Мно-

гие продукты были просрочены. Черствый хлеб. От колбас пахло нехорошо. Сыр был несвеж. Денатуратовую водку невозможно было пить...

Вобщем, цель была достигнута. Это был действительно очень плохой театр...

Театральная Москва гудела. Одни кричали, что театр надо непременно закрыть, причем чем быстрее, тем лучше. Другие откровенно зло смеялись, и говорили что-то о «диктатуре демократии». Третьи, большинство, откровенно и искренне недоумевали, как ТАКОЙ театр вообще могли открыть.

Но антиреклама сыграла свою роль. Роль ХОРОШЕЙ рекламы. В театр стали покупать билеты. Более того, у театра появились поклонники. Если их так можно назвать.

Было много маргинальных и гопотливых личностей, приходивших в театр поржать и воспринимавшие все происходящее как безумный стеб. Но были и странные люди, одетых более менее интеллигентно, и принявших театр близко к сердцу. «Мы простые люди, -говорили эти зрители, -Нам не понять изыски Любимова, гражданский пафос Ефремова, заумь Анатолия Васильева. Нам это чуждо. Когда наши знакомые с жаром обсуждают их опусы, мы зажимаемся, и чувствуем себя никчемностями и недалекими. Да, безусловно, мы плохие зрители. И поэтому именно в Плохом театре чувствуем себя наравне с актерами. Более того, мы чувствуем себя личностями! Настоящими личностями! Руки прочь от Московского Плохого Театра!».

Режиссер Р-кий сиял! «Мы нашли своего зрителя!, -вопил он на сборе труппы.- И должны ему соответствовать!».

Случился первый скандал. Артист К., довольно неплохо, в смысле довольно нехорошо игравший второстепенные роли, вступил в преступную связь с С., актрисой со стороны. Очень хорошей актрисой. Пагубное влияние сказалось очень быстро. Артист К. внезапно стал играть довольно сносно. В его игре исчезли наигрыш и фальшь. В голосе появилась теплота. В глазах – минимальный, но все-же смысл.

Был назначен экстренный сбор труппы.

«Что происходит?!», – грозно спросил артиста К. режиссер Р-кий.

Артист К., потупив глаза, сказал, что больше не хочет играть плохо, а хочет играть хорошо. И добавил, что сердцу не прикажешь.

«Какое сердце?!, -зарычал режиссер, – Пшел вон, предатель!».

Артист К. со слезами на глазах навсегда покинул этот зал. И режиссер Р-кий произнес речь, которую потом даже поместили в рамке в актерском фойе театра.

– Я допускаю, что кто-то из вас хочет играть хорошо.-Произнес задумчиво режиссер после паузы.– Может, даже больше, чем кто-то. Я не исключаю, что все хотят хорошо играть. И даже я хочу хорошо ставить! – Было видно, что режиссер говорит абсолютно искренне. Может, даже первый раз в жизни. Лицо его изменилось. Оно стало очень приятно.-Но, но..., – тут режиссер невероятным усилием воли переборол себя, и закончил, будто вняв подсказке из преисподней.– Но наше дело это Плохой Театр! Наша жизнь-это Плохой Театр! А настоящего Плохого Театра пока нет! Настоящий Плохой Театр мы пока только строим! Вперед к Плохому Театру! В нем наше будущее и будущее наших детей!!!

Артист К. через некоторое время снялся в популярном, но при этом хорошем фильме, и вошел в черный проклятый список театра под номером первым.

Артистам нравилось играть. Они чувствовали себя уютно и хорошо. Деньги им платили. В газетах писали. Художественных планок преодолевать не требовали. И, поэтому, многие артисты снизили к себе требования. Стали выпивать перед спектаклями, и играть спустя рукава. Режиссер Р-кий пребывал в ярости.

– Это что такое? Что вы себе позволяете?, – обрушился он на них.– Где ответственность?! Где следование линии театра!? Вы играете НИКАК! Поймите, не ПЛОХО, а НИКАК! Так

любой с улицы сыграет! Ходить бревном по сцене и бормотать роль под нос! А вот отучится четыре года, да так, чтобы тебя не выгнали за профнепригодность! Потом поступить случайно в театр! Играть с чувством, отдавая самого себя, менять мокрую от пота рубашку в антракте, без сил упасть после закрытия занавеса! И при этом сыграть плохо! **ОЧЕНЬ ПЛОХО!** Да так, чтобы все вокруг хором закричали, тыча пальцами -**БЕЗДАРЬ!!!** Вот что надо!!!

Через некоторое время вышли очень плохие «Три сестры», и совершенно ужасная, отвратительная «Васса Железнова».

Можно было предъявить претензии чиновнику Анатолию, но не успели. В чиновника Анатолия наемный убийца «контрольных» аж три раза в голову сделал. А его приемник решил не закрывать театр, так как на фоне дел предыдущего начальника он смотрелся боле-менее неплохо.

Группа режиссеров других театров пришла в департамент с жестким требованием закрыть Плохой Театр как бросающий позорную тень не только на русское театральное искусство, но и на саму Россию. Но тут, как всегда, случилось непредсказуемое...

Один крупный столичный критик толи спьяну, толи в шутку, толи насолить другим, а может быть и на спор написал статью, где защищал Плохой Театр. Суть статьи заключалась в том, что по настоящему плохой театр критик называл тот театр, кто за хорошей игрой и постановкой скрывает и завуалирует мысли пошлые, тайную педерастию, смердяковщину и прочие упадки, и более того, если такой театр нравится зрителю, тем больше он отдаляет одного от Бога и неба, и, следовательно, так называемый и нравящийся многим «хороший» театр, ни что иное как театр плохой и дурной.

А Московский Плохой Театр хорош хотя бы тем, что туда можно водить студентов театральных вузов, чтобы показать как не надо играть. И что так называемый Плохой театр достойно выполняет свою миссию, заложенную в названии, так как в этом театре идут чрезвычайно плохие спектакли. Хорошая и точная гармония формы и содержания. Плохой театр-плохие спектакли. Минус на минус дает плюс. Следовательно, Плохой Театр-театр хороший.

Статья имела оглушительный резонанс, споры, и даже массовую драчку в Доме актера. Но от театра отстали.

К сожалению, этот факт придал режиссеру Р-кому огромный прилив сил и творческого вдохновения.

Точнее, анти-творческого.

Режиссер пригласил из провинции актера М., которому даже близкие говорили: «Сёма, ну какой-же ты хреновый артист!»

С ним он поставил «Гамлета» Вильяма Шекспира.

«Гамлет» этот был абсолютное чудовище. Несъедобный, несмотрительный, и невменяемый. С нормальной точки зрения. Но поклонников у театра стало почему-то больше.

Кроме того, появились статьи, где говорилось, что Московский Плохой Театр «Кинг-Конг» хоть и плохой театр, но подкупающий своей искренностью и честностью. И что он «не лишен особого шарма и обаяния».

Режиссер Р-кий стал требовать, чтобы ему дали актерско-режиссерскую мастерскую в ГИТИСе, где режиссер Р-кий мог бы ковать своей могучим неталантом плохих актеров и режиссеров для своего театра.

Ужаснувшись его просьбе, режиссеру отказали.

Режиссер впал в ярость, и поставил свой культовый, а точнее антикультовый спектакль «Женитьба Фигаро». Это была вершина Плохого Театра. Самая глубокая его воронка. Марианская впадина... Все было настолько плохо до блевотины, что это очень сложно описать. Ко всему бонусом прилагался очень плохой несмешной капустник, где смеялись только на сцене. И смеялись крайне неестественно...

Трагедия эта закончилась весьма трагично. Как, впрочем, и должна оканчиваться трагедия...

За несколько дней до премьеры спектакля по рассказам Шукшина, на который Р-кий возлагал особые надежды, в театре была потеря в лице не то что плохого, но более-менее фигового артиста Ф., перепившегося плохого коньяка и умершего от уюта.

Настал день премьеры. Актеры, недавно приехавшие с похорон, молча готовились. Плохие гримеры накладывали на их лица плохой грим...

Начался спектакль, и тут... актер, убитый потерей товарища очень искренне, с болью в голосе подал реплику. Очень хорошо подал. Человечно. Другой актер странно, долго посмотрел на партнера, и ответил. Естественно. Без жима ответил. Хорошо ответил. И другие стали хорошо отвечать! И спектакль ожил! И спектакль пошел хорошо! Живо, честно, здорово азартно! **ХОРОШО ПОШЕЛ!!!!**

Впервые в Московском Плохом Театре состоялась овация! Честная, искренняя, добрая!

Актеры плакали... Впервые в своей жизни они играли хорошо...

Режиссер Р-кий на поклон не вышел. Он медленно спустился к служебному входу, слушая по трансляции рукоплескания и крики «Браво!», бледнея все больше и больше, открыл дверь, и ушел в ночь на дрожащих, еле слушающихся ногах.

Не пришел он и на следующий день. И на следующий тоже...

Когда вскрыли дверь его квартиры, режиссер Р-кий лежал мертвый на ковре с выпученными глазами и с бордовым, апоплексического цвета лицом... Дело всей его жизни провалилось...

В департаменте думали, что дальше делать с театром. Хотели разогнать, сначала, так как актеры не повторили свой подвиг премьерного спектакля по Шукшину, и последующие спектакли играли также, как и раньше, очень плохо...

За то небольшое время, что Плохой театр существовал, он послужил очень даже большим примером. Глядя на него, плохие музыканты организовали что-то типа профсоюза. Затем подняли головы плохие спортсмены. Плохие математики. Плохие электрики и эклектики. Плохие живописцы и плохие картографы. Говорят, были даже плохие библиотекари.

И вот с одной из таких мини-организаций и решили объединить Московский Плохой Театр «Кинг-Конг». А именно с Плохими Цирковыми...

Не всегда соединения это хорошо. Тем более, когда одни – против. Принудительные браки редко бывают счастливыми... Но Плохой театр никто и спрашивать не стал...

Небольшое здание в Хвостовском наводнили бездарные воздушные акробаты, вечно падающие с трапеции на сетку, несмешные клоуны, дурные дрессировщики с несчастными пуделями, и пошлым конферансье. Та атмосфера Плохого Театра, которую так тщательно вскармливали актеры с Р-ким, улетучилась навсегда... Плохой Цирк сожрал Плохой Театр... А потом сожрали и Плохой Цирк. Но это уже другая, не менее интересная и трагическая история...

ПЕРВАЯ ЧИТКА

Уже подходя в сумерках к театру, и глядя на ярко-горящие окна репетиционной аудитории, Серёжа ликовал. Сразу входить не стал. Отошёл в тень арки, и там некоторое время стоял, отдаваясь сладостному чувству ожидания. Увидел актёра из их театра, идущего туда же, куда и он сам. Но Сережа не окликнул актёра. Ему хотелось побыть один на один со своим чувством. Не отрывая глаз от горящих окон, Серёжа через некоторое время сделал первый шаг в сторону служебного входа...

В репетиционной было шумливо, шуточно, и жарко от февральских труб и приподнятого настроения. Серёжа стоял возле входа, улыбался, и даже не знал, что ему делать. Он чувствовал себя Наташей Ростовой на первом балу. С той только разницей, что у него сегодня была первая читка...

Восемь месяцев назад, в июне прошлого года, его, Серёжу, и двоих его приятелей с институтской скамьи, после показа их курса руководству театра попросили зайти в кабинет художественного руководителя. Остальным сказали спасибо. Серёжа потом ещё долго утешал в фойе свою рыдающую партнёршу по отрывку из «Доходного места», которую не взяли.

Сбора труппы в сентябре как такового не было. Был сумбур в связи со срочным вводом на роль Николки в «Белой гвардии». Худрук Алина Петровна, нервная женщина с крашеными хной волосами заявила, что больше не хочет работать с «равнодушными, погрязшими в цинизме и разврате жеребцами», как она назвала более опытных актёров, и назначила на роль Николки Серёжу. И Серёжа удивил всех. Хотя бы тем, что за неделю научился играть на гитаре, а точнее брать три аккорда и बारे. Пожилому актёру Сугророву, когда тот пытался показать Серёже, как правильно ходить на костылях, тихо и с большим почтением сказал:– «Вон из моей роли!». Серёжу зауважали. Спектакль прошёл хорошо. Все говорили, что артист, игравший Николку до него, и перешедший летом в один крупный московский театр, Серёже в подмётки не годится, Алина Петровна сказала, что Серёжа второй Родион Нахапетов, а артист Сугроров, игравший Мышлаевского, облобызал его трёхкратно, поколов щетиной, и сказал, что с Серёжи бутылка. Однокурсники, которых также ввели в спектакль, (правда, на роль юнкеров), жали руки, и говорили, что «Серёга, ты красавчик!». Серёже подумал, что они, наверное, завидуют, и ему стало за них неудобно.

Через некоторое время Серёжу ввели на роль Принца Вишенки в «Чипполлино», и на Петю Трофимова в «Вишнёвый сад». (Внутри себя не без удовольствия Серёжа отметил, что критики назовут этот его творческий период «вишнёвым»). Алина Петровна появлялась не часто. Она резко приезжала, делала сборы труппы, говорила о грандиозных планах, гневно ругала за разврат и равнодушие, и снова куда-то уезжала. И что самое неприятное для Серёжи, она уже не выделяла его, и не ставила в пример, как раньше, и поэтому Серёже казалось, что Алина Петровна ругает его наравне со всем. (А может, так оно и было). Серёжа очень переживал, и понемногу отдалился от ребят своего поколения... Но вот! На доске указов была вывешена бумажка, где были напечатаны фамилии тех, кто вызывается на читку пьесы, которую будет читать сам драматург (!). Вызваны были далеко не все. Но среди фамилий, кто был приглашен, была и Серёжина...

И вот, Серёжа стоял в дверях, и мило улыбаясь, смотрел на собравшихся. Вот артист Машанин, весельчак лет тридцати, размахивая руками во все стороны, как-будто изображая толи крылья мельницы, толи сбитый бомбардировщик, и кружась вокруг своей оси, смеясь повторял: «И я вот так вот перед камерой! Аки пропе-е-елер! Аки пропе-е-еллер!!! Вот так вот! А меня снимают! Снимают!». Его слушали героиня Ира Лавковская и симпатичная миниатюрная травести Галя Шварц, и тоже смеялись, а Галя Шварц даже быстро-быстро похлопала в ладоши. Когда Серёжа только-только пришёл в театр, и первый раз увидел Галю, ему

почему-то показалось, что они с Галей, возможно, станут мужем и женой. Что будут жить на гастролях в отдельном номере, как и положено супругам, ходить за ручку, и по ночам дома на кухне – кропотливо работать над ролями, и Галя-жена будет делать Серёже серьёзные замечания, а он, Сережа, начнёт их безукоризненно выполнять. Потом он узнал, что Галя старше его на 9 лет, имеет двоих детей и мужа-полицейского крупного полёта. Он его даже видел на банкете по случаю Старого Нового Года: здоровый мордатый мент с телячьими глазами. С такой фактурой даже в сериалах играют исключительно здоровых мордатых ментов с телячьими глазами. Сложно представить в другой роли. Муж – мент сидел на банкете в углу, покорно по приказу своей маленькой супруги – начальницы ничего не ел и молчал. Он даже не пил. Мечты о женитьбе, понятно дело, испарились. Умерли моментальной безболезненной смертью.

Вот худой долговязый, похожий на выпь, божий человек и актёр Вонифатий. По паспорту Генрих Яковлевич Матушкин, который, несколько не так давно воцерковился, и, крестившись, в крещении выбрал себе, как он сам говорил, «истинно православное имя Вонифатий», что означает Благотворец, и просил обращаться к нему именно так. Серёже нравилось, как Вонифатий, когда у него не выходило что-то по роли, осенял себя широким крестным знаменем, и с улыбкой говорил: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!». Так нравилось, что он сам несколько раз, оставшись один, аккуратно крестил себя и приговаривал: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!». Зажмуривал глаза и с благоговением принимал сладость, которая возникала в нем после этих слов. Еще Сережа от Вонифатия принял манеру крестить миску перед принятием пищи. Но не в театре, а дома, после чего мать его с восторгом сказала соседке, что сын ее пришел к вере. Вонифатий тяготился своей грешной жизнью в грешной профессии. Однако роли свои никому не отдавал, и из театра уходить не собирался. Про особо тягостную роль священника-инквизитора в спектакле про Жанну Д'Арк говорил, что «это ничего, католиков можно». Еще Вонифатий мечтал втайне, (но это все знали), о роли Алеши Карамазова. А когда станет пожилым- о роли старца Зосимы.

Вот Игорь Алексеич. Гражданский муж худрука Алины Петровны. Но в театре об этом не принято говорить. И правильно. Работа одно – семья другое. Тем более в театре. Перешагнул его порог – всё, забудь о семье. Ты актёр, и семья твоя – труппа. Где художественный руководитель – гражданская жена Игоря Алексеича. Вот такая у Игоря Алексеича заморочка – судьба. Игорь Алексеич сидит чуть отдельно от всех, сбоку. Или рядом с ним просто никто не садится? Непонятно, вобщем... Как сказали бы в 19 веке про Игоря Алексеича – трагик. Очень хорошо играет Лопахина, Гая Кассия, какого-то бомжа в современной пьесе, который, разуверившись в людях, бросается под трамвай... Говорят, что раньше Игорь Алексеич был замечательным острохарактерным артистом, очень веселым человеком, и блестяще писал капустники. Но когда Алину Петровну назначили худруком, и Игорь Алексеич после краткосрочного романа стал с ней жить, то он был лишен многого прошлого. В том числе и прошлого ампула. Алина Петровна жестко сказала, что» всё это смехачество и мордокривление извратит его глубокую трагическую внутреннюю сущность», и, более того, что так как он её муж, то должен соответствовать ей. И стал Игорь Алексеич трагиком, и стал играть трагические роли. И неплохо стал играть. Ровно. Без сбоев. Трагично даже местами, как впрочем, и положено трагику. Приятели Серёжи говорили, что в игре Игоря Алексеича не хватает «изюму», и он однообразен, но Серёжу почему-то после этих слов отдалило от них еще больше. Приятелей, кстати, или уже бывших приятелей, на читку не вызвали. Молодёжи вообще почти не было, и это почему-то обрадовало Серёжу, внесло в него какой-то лёгкий ветерок облегчения.

Вот пожилой артист Сугробов, запрокинув голову на спинку стула, похрапывает с открытым ртом. Опять, очевидно, накануне дал лишку. А вот замечательная Наталья Тимофеевна, 93-летняя актриса, до сих пор выходящая на театральные подмостки. Однокурсница одной знаменитой примы советского кино, имя которой Сережа подзабыл. «Великая старуха», как называют Наталью Тимофеевну в театре. Сейчас эта великая старуха сидела, крепко жи-

мая желтоватыми куриными пальцами ручку костыля, вертела седой головой на тоненькой шее, и быстро протыкала всех, словно штыком, недовольным взглядом своих маленьких безцветных глазьев. Наталья Тимофеевна, надо сказать, была недовольна практически всем, что её окружало. Ей не нравилась роскошь. Ей не нравилась бедность. Средний класс она находила неинтересным. Ей не нравилось, когда в театре плохо кормили. И ей не нравилось, когда кормили хорошо, так как ей казалось, что кормили хорошо исключительно в постные дни, а это грех. Ей не нравилось когда играли плохо. Правильно конечно, кому же это нравится?! Но ей не нравилось, когда играли очень хорошо, потому что актёр или актриса, играющие очень хорошо, по её мнению, могут возгордиться, попросить прибавки к зарплате, стать жертвой тщеславия, впасть в блуд, и из-за этого провалиться в геену огненную. Поэтому, по мнению Натальи Тимофеевны, играть хорошо было не полезно совсем. Впрочем, многое ей казалось бесполезным, и многое не нравилось. Но в театре Наталью Тимофеевну ценили за хлёсткий, острый крайне оригинальный юмор на грани. Например, когда ей первый раз представили Серёжу как нового артиста, она криво улыбнулась, и тут-же сказала: " Ишь, какой молодой! Как июньский картофель! У тебя, паскуда, небось эрекция хорошая?!, -тут Наталья Петровна легонько ткнула Серёжу костылем в пах.-Но не бойся, это пройдет! Не скоро, но пройдет!», -и Наталья Тимофеевна загоготала во весь свой темный рот. И все вокруг грохнули от хохота! И сам Серёжа вслед за всеми засмеялся от души! Еще бы, сама Наталья Тимофеевна, легенда, одарила его своей оригинальной шуткой! Он потом с восторгом рассказывал её на всех семейных торжествах и на посиделках. Смеялись намного меньше, но Серёжа понимал, что семейные все – же люди не театральные, простые, многого не понимают, а главное -не чувствуют. А ещё Наталья Тимофеевна вот уже более сорока лет бесподобно играла страшную Ведьму-Колдунью в детском утреннике «Карлик-Нос». У неё даже правительственная грамота была, где говорилось, что она воспитала своим творчеством не одно поколение юных зрителей.

Вот общажных несколько человек во главе с белорусом Женей. Сидят в углу, присматриваются. Между собой что-то тихо переговариваются. На массовку, наверное, вызвали, робко подумал Сережа.

Вот толстенький смешной актёр Вася Лисицын с быстрой подвижной мимикой, напоминающий мелкого грызуна. И с жестким юмором. И еще очень нервный человек. Даже в больнице с нервами лежал. А вот рядом с ним сидит, задумавшись, Артём Виталич Погодин. Бывший герой. Вдовец с тремя детьми и грустными глазами. Вот актёр Гриша Макашин. Впрочем, уже упомянутый. Он всё также размахивает руками словно крыльями мельницы, или изображая пикирующий бомбардировщик, вертится вокруг своей оси, в очередной раз смеётся, и кому-то рассказывает:" Меня снимают, а я вот так вот! Вот так! Аки пропеллер! Аки пропеллер!!!»

– Сережа, ну что же вы стоите? Садитесь!, -приятный низкий грудной голос принадлежал Полине Николаевне, актрисе под шестьдесят, но не потерявшей своего замечательного женского шарма. Полина Николаевна играла роли» благородных матерей», но в основном в театре была занята немного, причём по личной инициативе, сосредоточившись на работе на радио и на собственной детской студии. Она улыбнулась Сереже, и похлопала ладонью по сиденью соседнего с ней стула, приглашая Сережу сесть. Сережа тоже улыбнулся Полине Николаевне, сел, и хотел было задать ей по традиции вопрос: «Как вы, Полина Николаевна? Как ваши дела?», чтобы Полина Николаевна по-традиции ответила с усмешкой: «Ну как дела у бывшей Офелии и Катерины? Гляжу на вас, милый друг, сквозь толщу воды и лет!».

Но задать вопрос Серёжа не успел. Всё зашелестело, заволновалось, все заняли места на стульях. «Идут! – Идут!, – радостный шепот передавался и подхватывался.

Все резко замолчали. В дверь торжественно и медленно проходит Валя Ткачук, сосредоточенно несущий в руках перед собой большой жестяной восточный кувшин с узким длинным горлышком, и небольшой элегантный стакан-кубок. Красиво и мелодично, словно в опере,

Валя доходит до стола и ставит кувшин с кубком на темную бархатную скатерть с бахромой. Валу Ткачука можно принять за помощника режиссера, но это не совсем так: Валя актер, и если и выполняет время от времени работу помрежа, то делает это абсолютно добровольно и безвозмездно. Алина Петровна гордо называет Валу своей правой рукой. Валя пусть и играет маленькие роли, но делает это с особым усердием и трудом. Он знаком с Алиной Петровной с институтских времен, и пользуется в театре определенным весом и уважением. Вот Алина Петровна со знаменитой львиной гривой волос и в очках с тяжелой оправой уступает дорогу драматургу, маленькой улыбающейся женщине в пестрой кофточке и старомодной сумочкой на локте.

Все одухотворенно встали. Ух... У Сережи закружилась голова... Стало еще жарче, как – будто и в без того натопленном помещении кто-то развел невидимый костер.

И началась читка. Первая читка в жизни Сережи. И началось волшебство...

По коридору старого здания какого-то технического НИИ неслись на конях разных мастей, не касаясь копытами пола, всадники Апокалипсиса. Потолок кишел ангелами и прочими божьими созданиями. Между ними метался, не зная, к каким силам приткнуться, младший научный сотрудник Альфред Смирнов. Его возлюбленная, лаборантка Люся, сначала призывала Альфреда к свету, но потом сняла свой белый халат, под которым оказалась чешуйчатая кожа, и Альфред понял, что Люся была суккубом, требующим излияния альфредового семени. Пьеса была наполнена мистикой, аллюзиями и символами.

Маленькая женщина-драматург читала возвышенно и экзальтированно, подобно тому, как некоторые поэтессы выкривают свои стихи. А может, пьеса и была в стихах? Но Серёже было без разницы. Для него это по любому была поэзия. Великая поэзия театра.

Смешной, немного писклявый голос драматурга то голосил немыслимой трелью и фальцетом, то замирал, то пытался опуститься в неведомые трагические глубины. Эта маленькая женщина обыгрывала и проживала не только каждую ситуацию и каждого персонажа, но и, казалось, каждую точку и запятую.

Несколько раз смеялись, и Сережа тоже начинал смеяться вместе со всеми, так как находил то, над чем смеялись, необычайно смешным. Также ахал вместе со всеми.

В момент, когда драматург завершал, показывая, очевидно, ужас и интонацию одного из персонажей: " -Хвост! Смотрите, у Альфреда хвост!!!", все засмеялись, и Сережа, естественно, тоже, но Алина Петровна, резко обернувшись с первого ряда, так гневно посмотрела на актеров, что все моментально замолкли. В том числе и Сережа. Ему стало стыдно за себя, так как он догадался, что это совсем не смешно.

В чём был смысл пьесы, он так и не понял. Он просто получал чистый восторг. Он почувствовал какое-то неведомое таинство, открывшееся ему только сейчас, на первой читке. Он понял, что все они, актёры, режиссёр, драматург – одна большая, добрая и неразлучная семья. Братья и сёстры какого-то монашеского ордена, крепко связанные друг с другом невидимыми узами театра. И так ему стало хорошо от этого! Так легко и замечательно, что Серёже показалось, что аудитория со всеми присутствующими отрывается от этой грешной земли, и летит куда-то светлячком с горящими окнами всё вверх и вверх, за ноносферу, или как её там, прямо в космос.

«Какие прекрасные и чистые люди меня окружают!», -подумал Серёжа с закрытыми глазами, медленно положил голову на плечо Полине Николаевне, и провалился скорее не в сон, а в какую-то солнечно-оранжевую густую и кисельную атмосферу, в которой он с удовольствием плавал, как младенец в приплодных водах...

Вышел из нирваны Серёжа уже, когда в комнате стояла тишина. Только в горячих трубах изредко что-то булькало, переливаясь. Все с напряжением смотрели на Алину Петровну, которая сидела одна в центре первого ряда, обхватив голову пальцами за виски, и уронив ее, голову, на грудь, еле-еле заметно раскачивалась в таком положении из стороны в сторону. Её мощный

затылок с извивающимися рыжими волосами, излучающий огромную энергию, и с маленькой амплитудой качающийся туда-сюда, приковывал, как удав кроликов, пару десятков напряжённых взоров.

Через некоторое время, непонятно, через какое, Алина Петровна медленно подняла голову. Долго смотрела в глаза сидящему напротив драматургу, и тихо устало спросила:

– А главный герой, он что, пидарас что – ли?

– Почему пидорас?, -драматурга вопрос не возмутил, очевидно, она отвечала на подобное и раньше. – Он не пидорас... Он просто ищет. Ищет себя. Мечется между добром и злом.

– Наталья Тимофеевна, как вам?, – обратилась Алина Петровна к Наталье Тимофеевне.

– Червонец есть, но он не выявлен!, -быстро, по-солдатски, отчеканила «великая старуха».

– А зачем сразу выявлять!-, вздрогнул драматург, -Идеи надо завуалировать, да поглубже, что – бы каждый своим умом...

– Каким умом? Боже мой, каким умом?– перебила драматурга Алина Петровна. – Зрителю надо преподнести спектакль на тарелочке с золотой каёмочкой. Как в элитном ресторане хорошее блюдо. По хорошему рецепту. Представляете, вы пришли в ресторан, сделали заказ, а вам приносят тазик, до краёв наполненный говном, и говорят, покопайтесь, мол в глубине этой коричневой жижи, там вкуснейший дорогой трюфель спрятан! Завуалирован! Каково вам будет, я посмотрю! Будете вы есть такое блюдо?!

– Театр не ресторан!, – отрезала драматург. —Это сфера духовная, а не пищевая. Иной раз амброзию пьёшь, а она лишь духовно усыпляет человека. А иной раз кажется, что говно в рот пихаешь, давясь, а оно уваживает почву для высоких намерений и чувств. Помните, как у Ахматовой —« Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда,»...

– « Как жёлтый одуванчик у забора, Как лопухи и лебеда...», -моментально подхватила Алина Петровна, сменив тон на понимающий, даже оправдывающийся, – Я не спорю, дорогая, на одуванчик вы написали! Планку лебеды и лопуха одолели! Этот рецепт вы сварганили, не спорю! Но нам нужны розы! Понимаете, розы! Или хотя бы нежные ирисы!

– А это уже от вас зависит, будут розы с ирисами, или нет! Моя грядка, а семена ваши!

– Нет, милая, грядка – это мы, а именно от ваших семян зависит урожай!

– Всё от Господа зависит по большому счёту!

– Вот здесь соглашусь! Точно! Всё в руках Господних!

Серёже казалось, что он слышит разговор богов. В крайнем случае – шелест крыл херувимов. Воздушные флейты небесной музыки.

«Вот он! Настоящий разговор творческих личностей!, -обрадовался про себя Серёжа. И слушал дальше эти высокие ноты.

– Дорогая, мы ждём от вас катарсиса, света, а вы нам свиней каких-то подбрасываете! Кстати, что это за свиньи? Что это за три поросёнка?, – продолжала Алина Петровна.

– Это не три поросёнка!, – парировал драматург, -Это три демона. Анти-Вера, анти-Надежда, и анти-Любовь!

– А почему они смеются? Почему они такие обаятельные?

– Зло всегда обаятельно!

– Поймите, человек существо чистое по своей природе, духовное! Оно стремится к высокому, к полёту птицы, а не к свиньям!

– А как-же «Капричос» Гойи?!

– Гойя... мама родная... вы где этого нахватались?!...А что это за черти у вас танцуют минуэт?

– Ну, это просто черти танцуют минуэт!

– Зачем?

– Ну как зачем? Нравится им танцевать минуэт, вот и танцуют!

Алина Петровна задумалась. Затем вздохнула.

– Знаете, по-моему, вы – классическая дура!

– Не оскорбляйте меня!, -вскипел драматург.

– Да кто вас оскорбляет? Надо слышать, понимаете, слышать слова, слышать текст, а не сухо выдумывать его головой! А у вас всё, всё от головы! Попробуйте поработать нижней чакрой! Нижней чакрой, и душой! Если она у вас, конечно, есть!

Серёже показалось, что он сидит в Древнем Риме, в Колизее, на бою гладиаторов, и его сильно изумило, когда он обратил внимание, что его коллеги откровенно скучают. Только Валя Ткачук слушал, и что-то записывал изящной перьевой ручкой в блокнот. Этот часто за худруком что-то записывает. Но и он слушал как-то вяло... А большинство «сидело» в мобильных телефонах. Некоторые смотрели перед собой невидящими глазами, и толи вздыхали, толи зевали. «Великая старуха» Наталья Тимофеевна по-старчески дремала, время от времени сжимая и разжимая сомкнутые черепахи веки. Полина Николаевна достала пилочку для ногтей, и принялась пилить ногти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.